

Грозовая юность

Михаил Фролов «ОГНЕННАЯ КУПЕЛЬ»

В последние годы донецкие поэты все смелее и увереннее берутся за большие темы.

Герои «Огненной купели» — первые комсомольцы, те, кто защищал завоевания Октября. Среди них — секретарь РКСМ Никита Лиходед, вчерашний рабочий, горновой, юноша с «замкнутой хмурой», преданный до последнего дыхания делу революции и отвергавший все, что мешало, по его мнению, борьбе, в том числе и любовь.

Но, пришла в райком в потертанных башмаках «смуглянка быстрая», ламповница с шахты «Сергий» Варя, и растаяло «холодное» сердце Лиходеда. С той поры Никита Лиходед и его невеста шли от боя к бою рядом. С ними вместе шагал чех Франц Гус, ставший поэтом образ мальчика-сироты Стенки. Мальчик приходил в райком, чтобы погреться, и его приняли там. Трудно без волнения читать строки, где автор передает разговор Стенки с портретом Ленина в ЧОНе, когда за окном сыпала снежной завихоркой темная ночь. На городок напала банда. В ЧОНе на посту четверо. Они бесстрашно принимают неравный бой.

Гибнет в бою героиня, но: Нетленна слава комсомолец, Чей путь под небом был недолог, — Девич восток.

Встречавших стойко свист снаряда И умиравших, если надо, Не хуже воинов седых.

И не беда, что, когда закрываешь поэму, на сердце ложится грусть. Это не жалость, это память о героях, это чувство гордости за них.

В поэме «Огненная купель», конечно же, есть и недостатки, но они — не главное в этом произведении, написанном не равнодушным наблюдателем, а будто очевидцем событий.

Леонид ЖАРИКОВ

Устами мальчика, пером писателя

О. Вацетис «ГЛАЗАМИ ТЕХ ДНЕЙ»

Прежде чем прочесть первое прозаическое произведение молодого латышского поэта Ора Вацетиса, я взглянул в оглавление. «Глазами тех дней» (поэзия). Что такое «поэзия»? В моем воображении вырисовалось произведение со строго организационным сюжетом. И я принялся за повесть Вацетиса.

Конечно, и в выбранном жанре кое-какие из перечисленных недостатков (например, «обрубленность» некоторых важных «цен») остаются недостатками. Но хочется поддержать верность автора своему замыслу. До конца произведения Вацетис остался в пределах кругозора и мироощущения юноши из трудовой латышской семьи. И получающийся документ времени. Горизонты этого документа не очень просторны. Но разве можно требовать большего от пятнадцатилетнего ученика? Ценность произведения Вацетиса как раз и состоит в описании достоверности описываемых событий и людей. Эскизно обрисован учитель Угорь, убитый кулаками; банда; неясен, даже, пожалуй, двусмыслен образ председателя колхоза Озолниа; прямолинейна в своей суровой непреклонности отец Ора; с преднамеренной неприязнью описана воспитательница Миллерша...

И вместе с тем за этим паренком чувствуется его «взрослый автор», хорошо знающий настоящую цену тому, о чем он пишет, писатель, идя на прощальный шаг. Но он сумел от начала до конца произведения «остаться школьником», сумел выразить время посредством бесхитроуных записей в мальчишеском дневнике, который, наверное, будет продолжен. Во всяком случае, его стоит продолжить...

Сергей НИКИТИН

Реплики читателей

МЕСТНОЕ издательство не часто баблует читателя в Кургана поэтике и в сборниках, тем более лирических. И вот на прилавке книжных магазинов появилась небольшая книжечка лирических стихов А. Кукарского. С нетерпением начинаешь читать стихи — и, разочаровываясь, уже очень мало в сборнике настоящей поэзии, свежести, боевого задора.

СТОИЛО ЛИ ТОРОПИТЬСЯ?

Перевеи, подражание оставили след на большинстве стихов сборника. Ну, что сказать, например, о таких стихах: Неба колокол звонкий Был дамыми изрыт, А в вагонах гармонки Заливались навзрыд...

Во-первых, написано с чужих голосов, во-вторых, — не очень складно: дождик... изрытый(?) дымами(!). Молодой поэт подражает многим. При этом идет далеко не от лучших образцов. Взять хотя бы стихотворение «Самолюбие» — здесь чувствуются фальшь, наигранность.

Ну, почему же люди мне Не устают петь, что, дескать, самолюбие Чрезмерно у меня. Не отрицаю, конечно. Но твердо говорю, что я за это качество Судьбу благодарю. Мешанства сила грубая Была со мной крута, Но я на самолюбие Держался до гора...

С сожалением, мы часто сталкиваемся с подобным явлением: написал молодой человек пять-шесть неплохих стихотворений (или рассказов), и вот издатель начинает «натягивать» ему сборник. Появляется книга — с датами под каждым стихотворением, а поистине смелым в своей лаконичности называем — «Стихи». Надо ли торопиться оказывать медвежье услугу и читателю, и молодому поэту?

В. КУРОВИЧСКИЙ с. УСКЯНКА, Курганской обл.

ЗНАМЕНИТАЯ Песня Миньоны Гёте известна нам во многих переводах — Тютчева, Жуковского, Майкова и других. Недавно я прочел еще один ее перевод и... схватился за голову. Теперь стихи назывались «Песня Миньон» и повествовали о крае, где «нитры и лавры спокойно растут», где криши «легко возлетят», «а в сердце моём и тоска и печаль»...

«АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД С ГЁТЕ»...

Почему же наша «большая» печать, наша писательская общественность не уделяет должного внимания литературе в мнотиражках? Возьми ленинградские литераторы деловое шефство над этими газетами. — вот и родилась бы еще одна интересная форма связи художников с живой действительностью!

О. РИСС ЛЕНИНГРАД

ЮБИЛЕЙ ЯНА НИЕДРЕ

Литературная общественность Латвии торжественно отметила 50-летие выдающегося латышского писателя Яна Ниедре. Его перу принадлежат романы, рассказы, историко-литературные труды. Много сил отдал писатель работе с молодыми литераторами.

Юбилейный вечер. За выдающиеся заслуги в области латышской литературы и в воспитании молодых писателей Президиум Верховного Совета Латвийской ССР присвоил Яну Ниедре почетное звание заслуженного деятеля культуры Латвийской ССР.



Летний полдень Этнод А. Перевощникова

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Продолжение традиций

Всеволод АЗАРОВ

«ЛИШЬ МЫ, работники всемирной великой армии труда, владеть землей имеем право...» Эти слова из «Интернационала» премели над нашей юностью, сыпавшей с губ красных конников, освобождавших города от интервентов, звучали на коммунистических субботниках, на первых вечерах в честь Октября и Мая.

Поэзия победившего труда приходила к нам со страниц хрестоматий для трудовой школы и «Чтецов-декламаторов» двадцатых годов.

Мы с тобой родные братья: Я — рабочий, ты — мужик, Наши крепкие объятия — Смерть и гибель для владык.

Николай Асеев писал в статье «Зачем и кому нужна поэзия» («Литературная газета», № 24) о контрастности сопоставлений. Дело, как мне кажется, не в том, чтобы возводить в закон противоположность образованного восприятия явлений, неожиданную новизну впервые угаданных в данном сочетании слов. Нет, не в этом секрет современной поэзии! Нам не нужна как самоцель новизна, изобретательность образов, зовущая к псевдонизаторству. Принципиально важнее говорить о глубоком творческом осмыслении философской сути событий, величайших жизненных перемен, происходящих у нас на глазах, об умении в сегодняшнем обычном увидеть озарение будущего. В полный голос нужно говорить и о силе традиций.

Эти бесхитроуные строки рабочего поэта Никифора Тихоморова шли к читателю по прямой, как воззвания Помогола и Лихобеда, как ростижные подлинки Малковского.

В критических определениях нередко бытует, как негативное, слово «традиционность». Но ведь революционный стих не может жить без традиций. Ведь и создатели слитника, несомненно, опирались на многолетний опыт своих предшественников. В поэзии преемственность традиций — это не механическое копирование, а обновление, продолжение созданного ранее.

Певцы первых лет Октября мечтали разбить цветущий сад на граните и железе, утверждали, что в их жилах летит новая железная кровь.

В поэзии победившего труда приходила к нам со страниц хрестоматий для трудовой школы и «Чтецов-декламаторов» двадцатых годов.

В железье есть сила — Гигантов вырастила Заржавленным соком руда; Железную ратью, Вперед, мой братия, Под огненным стягом труда!

В стихах было много несовершенного. Почерпнутое у символизма спорило с суровым содержанием. И в то же время в этих одах жили рабочая гордость, новизна свершившихся перемен, коммунистическая мечта.

И так же как в бригадах коммунистического труда отразились рвение и энтузиазм первых коммунистических субботников, так и нынешняя лирика, раскрывающая лучшие нравственные черты человека самого справедливого и совершенного общества, является плотно от плоти первых советских трудовых песен.

Вот почему юноше, обдумывающему житье, молодому поэту, стремящемуся осмыслить и воплотить в живых образах тему семилетки, необходимо знать поэзию трудовых свершений всех предыдущих лет, чтобы не повторять ошибок, чтобы творчески использовать прежние завоевания.

В стихах было много несовершенного. Почерпнутое у символизма спорило с суровым содержанием. И в то же время в этих одах жили рабочая гордость, новизна свершившихся перемен, коммунистическая мечта.

Разве можно, к примеру, понять, как пришел Багрицкий к стихам о «Победах», к «ТВС», «Человеку предместья», «Смерти пионерки», если не брать во внимание его участие в рабочем литературном объединении двадцатых годов «Потоки Октября», в одесских газетах «Моряк» и «Известия».

Итак же как в бригадах коммунистического труда отразились рвение и энтузиазм первых коммунистических субботников, так и нынешняя лирика, раскрывающая лучшие нравственные черты человека самого справедливого и совершенного общества, является плотно от плоти первых советских трудовых песен.

Традиции рабочих литературных коллективов передавались, как эстафета, следующим поколениям. Так, на смену «Потокам Октября» в Одессе было создано литературное объединение «Станок». В этом объединении занимался и слесарь одесского завода Вадим Стрельченко. Его первые стихи о труде были переданы Багрицким в журнал «Красная нить» с рекомендацией, в которой говорилось, что может быть, это тот самый новый рабочий поэт, которого мы так ждем.

Поэзия раскрепощенного, счастливого труда уже в начале двадцатых годов стала резко отходить от условных, комических форм, воспевая теперь не железо, а золотые россыпи человеческих душ.

Стрельченко погиб в начале Отечественной войны. Но книги «Стихи товарища» и «Моя фотография», изданные при жизни поэта, чисто и проникновенно воспевают свободный труд, гордость рабочего-мастера за свое дело, братство создателей вещей, оказали и продолжают оказывать доброе влияние на последующие поколения людей, находящихся в труде источник поэтического вдохновения.

В творчестве основоположников советской классической поэзии Демьяна Бедного и Владимира Маяковского тема труда заняла достойное, значительнейшее место. Известно немало и других примеров долголетья, ставшего делом всей творческой жизни, служения этой благородной теме. Рабочая лирика Николая Пастернака и Василия Казина — авторский, убедительный раскаты перед советской поэзией пути дальнейшего познания перемен в социологии, идеологии, пути их духовного роста. Можно назвать рядом и имена Благова, Беспощадного, воспевавших труд и богатый внутренний мир ткачей и шахтеров.

Стрельченко называл своими наставниками Пушкина, Шевченко, Маяковского, любил Уитмена, читал на память легкие, дошедшие из глубин тысячелетия строки древнеримского поэта Катуллы.

Сейчас, когда мы вступили в семилетку, призванную создать наиболее материальных и духовных ценностей, значение поэзии социалистического труда должно еще возрасти.

Ведь над каждой вещью Цветком-невидимкой Сердце мастера дрогнет На — не знаю каком! — стебельке. Десять пальцев, как венчик, Мерцают дымкой...

Только за самое последнее время в Москве, Ленинграде, Горьком один за другим вышли индивидуальные и коллективные сборники рабочих-поэтов. Это явление, когда в поэзию приходят люди от станков, необычайно характерно для нашей страны. Возникнув сразу же после революции, оно получило широкое распространение в годы первых пятилеток. Не раз обращали на него пристальное внимание наши друзья за рубежом. Ромен Роллан 14 октября 1936 года писал автору этих строк: «Замечательно, что в Советском Союзе столько поэтов, притом поэтов талантливых и со вкусом и что там так много поэзии. Некоторые западные писатели, которые, впрочем, ничего о нем судят по наиболее враждебным газетам, уверяют, что для большевиков поэзия не существует. Люди, знающие хотя немного СССР, это кажется смешным. Меня как раз поражает любовь к поэзии, которую я наблюдал не только у молодежи, но и у старых рабочих, занятых с утра до вечера суровым трудом».

Как торжести ноги в путь веселья! Вы, товарищи мылые, прощайте! Долго из дому вел нас тот же ветер, Но вернемся мы разною дорогой.

Работа всегда была источником вдохновения поэзии. Ведь и слова, и ритм самой первой песни родились в помощи труда!

Казалось бы, какая связь между этими старыми строчками и стихами о социалистическом труде? Но в том-то и дело, что жажда познания мира, новых дорог, присущая всем людям во все времена, сблизила молодого советского поэта со своим далеким предшественником. И стихам Вадима Стрельченко суждена долгая жизнь именно потому, что он раскрывал глубину воззрений, внутренней жизни своего современника, воспевавший труд не как механический процесс, а как творчество, открытие прекрасного!

Для того чтобы помочь коммунистическому воспитанию народа, пробуждать добрые, гуманистические чувства, учить постигать прекрасное, поэзия должна быть совершенной. Она должна опираться на основы материалистического познания мира, предугадывать духовный, нравственный, физический расцвет людей будущего. Ведь его ростки, его приметы — посюсторонние, надо только правильно их понять и окрылить волею воображения. Алексей Максимович Горький в 1931 году в предисловии к серии «Библиотека поэта» писал: «Наши поэты должны вести в работу свою новые темы, — темы, которые поэзия прошлого века изжила и потому не касалась». Горький приводит в этой статье в качестве примера, «достойного подражания» по су-

шестью», стихотворение М. Тарловского об архитекторе и писеле. Оно было навеяно мыслью Маркса о том, что «самый плохой архитектор от нанятой пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове».

Горький, упрямая автор этих стихов за слабость формы, в то же время отмечал, что одна из новейших идей основоположника истинно революционной философии стала достоянием поэзии.

Мне вспоминалась эта оценка, когда недавно в стихах одного молодого поэта я прочел о его желании стать пчелой. Подобное слияние с природой граничит с повновением ей. И это в то время, когда новый, социалистический человек, поднимая работой стихию, овладевает космосом, изменяет климат!

Разве не показателна для нас и сегодня история создания одного из лучших произведений о людях первой пятилетки — поэмы Николая Деметьева «Мать»? Деметьев работал на строительстве, пытался перевести в строки пафос цифр, зарифмовать производственный метод. Но техника зашла в тупик, он возмущался, не выдерживая прозаической нагрузки. И тогда Деметьев подошел к теме с другой стороны. Он взял, казалось бы, случайный, единичный факт: к началу строительства приехала старушка мать. Ее встречи с сыном были редкими, постоянно он от нее уезжал — сперва вальцовщиком на уральский завод, потом в ссылку за революционную подпольную работу, потом на гражданскую войну, потом... И последняя встреча выдалась недолгой. Через два дня мать умерла. Деметьев сумел показать в теме главное — величие жизни простой русской матери, славы делами сына, и ту достойную почесть, которую ей оказали люди строительства.

РАЗВАЗАЛ в этой статье имена только некоторых поэтов двадцатых и тридцатых годов, посвятивших свое творчество людям труда. А за этими годами шли грозные сороковые и великие пятидесятые, опыт поэзии которых тоже недостаточно обобщен и изучен.

Раскрытие темы труда в творчестве Александра Твардовского — от поэмы «Путь к социализму» и до «За далью — даль», в поэзии Ярослава Смелкова — от его первой книги «Работа и любовь» и до поэмы «Строгая любовь» — может и должно стать предметом особого, значительного разговора.

Опыт советской поэзии велик. Нигде, ни в одной стране не возмечен труд рядового участника великой стройки так, как в нашей стране. Говоря о расцвете народного творчества, источник всех, в том числе литературных, талантов, мы должны, и сожалению, подчеркнуть, что гигантский многолетний опыт рабочих литературных коллективов до сих пор никем не обобщен и не изучен. Ни один из литературоведов не взялся до настоящего времени за анализ и осмысление этого замечательного процесса. Серьезный счет должен быть предъявлен и нашим издательствам, не выпустившим до сих пор систематизированную антологию поэтических произведений о труде. А ведь подобная книга могла стать своеобразной стихотворной летописью жизни советского общества, свидетельством его нравственного духовного возмужания.

Новое время требует новых песен. И они должны быть еще величавее и щедрей, чем прежде. Но для того чтобы их сложить, надо много знать о пройденном пути.

С глубоким волнением слушали мы на Третьем съезде писателей речь Н. С. Хрущева. Одно место мне по-особому врезалось в память — помните, там, где Никита Сергеевич цитирует стихи Некрасова:

Воля и труд человека Дивные дивы творят!

«Смотрите, как хорошо сказал Некрасов о человеке, на что способен этот человек, если ему дают волю и азель! Но масштабы были тогда не наши. Что сказал бы Некрасов сейчас, живи он в наше время, если бы узнал, что за три-четыре года подняли целинный земля 36 миллионов гектаров! Если это было чудо, то о делах советских людей мало сказать сверхчудом».

Размышляя над этими словами Н. С. Хрущева, хочется сказать своим товарищам по перу: создадим же стихи и поэмы, достойные людей нашей героической эпохи, их изумительного и великого коммунистического труда!

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

В литературе он, бесспорно, Освоил новые пути: Ему все возмужает, От двух... и вплоть до ста.

Новые стихи

Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ ЖАДНОСТЬ
Слушай! Ты умеешь жадно слушать пень?
Жадно нюхать свежесть, жадно встречать жадно?
Если не умеешь, обрети умение Тот, кто взять не может, что он может дать?
Нет на свете меры, чтобы жадно мерить.
Если знаешь песню, ты ее мне спой. Буду жадно слушать, буду жадно верить,
Пусть я буду жадной, лишь бы... не скучной.

М О Р Е
Вкус дивный у граната, пышный вид,
Но я его не слышу — он молчит.
Я песню слышу дальше или ближе,
Но песнь бесплотна — я ее не вижу.
Я вижу острый луч, он режет тьму,
Но я его в ладони не сожму.
Когда ж гляжу в сверканье голубое
И слышу пены смех и воркотню,
Солено-горький вкус волны хлебну,
Прохладную морскую глубину
Обветренной кожей запылю,
И ни на что другое непохожий
Вдыхаю свежий острый аромат,
То, как в любви, — все чувства говорят.

ГЕРОИ ЖДУТ НАС
ИТОГИ Третьего всесоюзного съезда и задачи писательской организации Туркмени — вот тот единственный вопрос повести для пленума правления Союза писателей республики, обсуждение которого вылилось в большой разговор о призвании советского писателя, о служении народу, о современности и художественном мастерстве, о литературной смене.

В своем докладе председатель правления Б. Кербаев рассказал о том, как прошел Всесоюзный съезд. — Большой программой творчества для всех писателей страны, — говорил докладчик, — явилась речь Н. С. Хрущева на съезде, проникнувшая подлинно партийной заботой о писателях, о судьбе их книг, о воспитании молодого поколения литераторов, о чутком и бережном отношении к человеку.

Современность — вот ягучая проблема вынужтвая жизнью на передний план. Ей посвятил Б. Кербаев значительную часть своего доклада, к ней обращались многие ораторы. Современность — не просто злободневность, она шире и глубже этого понятия. — Мы, к сожалению, неполно, неярко и неинтересно отображаем в своих книгах наше героическое время, — сказал А. Мурадов. Он подверг критике молодых прозаиков, которые печатают в журналах и газетах слабые, неотшлифованные очерки и рассказы о тружениках города и села. В таких очерках есть все, кроме главного — человека, его души.

Своими мыслями о воспитании литературной смены поделились на пленуме Б. Сейтаков, П. Карпов, А. Абсорский. Работая с молодыми, учить, выдвигать их — кровное дело каждой писательской организации. Туркмени в этом отношении имеет определенные успехи: за последние годы в ее творческую среду пришли одаренные писатели. Это хорошо. Но плохо, что, говоря о горьковском отношении к молодым, мы обычно подразумеваем лишь чуткость, заботу о строгой выскальности к начинающим авторам. Мы очень рано делаем молодых «профессионалами», спешно «втягиваем» в союз и нередко губим этим. «Забывает порой молодежь, — заметил В. Кербаев, — что писать не легче, чем иголкой копать колодезь».

Иногда допускается другая крайность: на страницах республиканских газет и журналов подолгу не появляются произведения молодых способных поэтов и прозаиков. На эту сторону дела обратили внимание Б. Овезов, Д. Ильмурадов, А. Чаркыулиев и другие. Круг проблем, поднятых на пленуме, был широким. В их числе были проблемы развития литературной критики, драматургии, публицистики.

В работе пленума приняли участие секретари ЦК КП Туркменистана Ф. Грищенко, Ш. Пашлиев и Председатель Президиума Верховного Совета республики Н. Байрамов. АШХАБАД (По телефону)

Дружеские шаржи и пародии ПЕТУШКИ-ГРЕБЕШКИ
«Эту розовую кашку И мохнатого шмеля, Что разносывает забаву про тебя, моя земля!» В. Бонов «Исповедь»
Мили-мили дед да баба, Или кашу с молоком, Или дедина «бас-бас», Что, известно, нелепо.
Ночь была гнейдой и чалой, И куда глаза ни кинь — Петушки окрест кричат, Откликались гребешки.
Пришлось я гребешками, На крыльце поспать, В красный ситник облекая Голубую эту жуть.
Тындаи-брындаи, Балабайна, С бахромою канитель, В мирозданье мчится «Лайка», Золотой товарищ шмель.
Я обуюсь рыжиком летом, В полушубок распасной... Очень мило, очень тепло Под сиреневой раскисной!
Мир ШЕХТЕР

Они служили Риббентропу

В ПЛАМЕНИ войны догора 1941 год... Однажды ночью при выходе из Босфора пароход «Штрума», до отказа заполненный женщинами, детьми и стариками, был потоплен фашистским торпедным катером. Уцелели лишь две женщины, подобранные турецкими рыбаками.

Таков был зловещий финал одной из преступных операций гитлеровской разведки, заматавшей следы с помощью дипломатов Риббентропа. Накануне отплытия «Штрума» из Стамбула посол «третьего рейха» в Анкаре фон Папен (тот самый, который, по меткой характеристике главного обвинителя от США на Нюрнбергском процессе Роберта Джексона, «держал стремя, когда Гитлер вскакивал в седло») и советник посольства Манфред Клайбер обеспечили выполнение шифрованного приказа Берлина — «устранить неприятные обстоятельства».

Английская разведка установила тогда, что в трюме парохода «Штрума» на балканских стран; в румынском порту Констанца на борт корабля сели фашистские шпионы — под видом еврейских беженцев они должны были проникнуть в Палестину для диверсий на военных объектах англичан. Когда же германская разведка убедилась, что ее план стал известен английскому правительству, гитлеровцы отменили приказ: потопить пароход «Штрума» и таким образом избавиться от свидетелей.

Манфред Клайбер — ныне посол ФРГ в Риме — и был главным «устранителем неприятных обстоятельств»: он вел секретные переговоры с турецкими властями, он согласовал с ними день и час выхода «Штрума» из Стамбульского порта, он настоял на том, чтобы на одно турецкое судно береговой охраны не приближалось к месту потопления. Совершенно спокойно нацистские дипломаты обгадили руки кровью ни в чем не повинных людей!

Есть основания полагать, что эта «капция» Манфреда Клайбера, ревностного исполнителя инструкций Фюрера, заняла видное место в его послужном списке, а позже открыла ему двери боннского министерства иностранных дел. Недаром канцлер Аденауэр возвел его в высокий ранг посла в Италии!

Фашистское прошлое, шпионаж, диверсии, убийства характерны для биографии не одного только боннского посла в Риме, но и многих его коллег по западногерманскому министерству иностранных дел. Во время второй мировой войны в Женеве в качестве германского консула и резидента гитлеровской службы безопасности подвизался активный нацист, ныне крупный чиновник боннского МИД Готфрид фон Ностлиц. Под маской дипломата скрывался матерый организатор похищений противников гитлеризма, изощренный мастер тайных убийств и международного шпионажа. Женевский «сопчик» Готфрида фон Ностлица, как видно, высоко котируется на дипломатической бирже Бонна: сегодня этот профессиональный шпион восседает в отделе «Запад-1» ведомства Брентано.

Доверая ключевые позиции дипломатам типа Клайбера и фон Ностлица, Бонн врал и предавал забвению традиции недавнего прошлого... Нет, фашизм уже министрство иностранных дел, правители ФРГ стремятся превратить его в свой послушный инструмент и подчинить агрессивным целям западногерманского империализма.

Именно поэтому канцлер Аденауэр назначил Готфрида Диттмана, в прошлом руководителя отдела кадров по подбору высших чиновников в министерстве фон Риббентропа, начальником отдела кадров боннского МИД. И Готфрид Диттман, член нацистской партии и доверенное лицо Риббентропа, с лихвой оправдал доверие новых хозяев.

Сейчас свыше 80 процентов высших чиновников МИД ФРГ — бывшие дипломаты Риббентропа. Более восьмидесяти дипломатов занимающих высшие посты

в аппарате министерства и представляющих Западную Германию за рубежом и в различных международных организациях, были активными нацистами.

Федеративная Республика Германия имеет больше 70 посольств в миссий; 51 из них возглавляют бывшие приверженцы фашизма, такие, как Ганс Герварт фон Биттенфельд — посол в Мексике, Вальтер Гесс — посол в Аргентине, Вернер Юнкер — посол в Венгрии, Ганс Ульрих фон Марштадлер — посол в Швейцарии, Эрнст Гюнтер Мор — посол в Канаде, Рудольф Штрахвиг — посол в Ватикане и т. д.

Все они присягали Фюреру и клялись: «Я обещаю, что я буду вечно верен Адольфу Гитлеру. Я обещаю безоговорочно повиноваться ему и Фюреру, назначенным им». Пятьдесят западногерманских дипломатов заплатили себя участием в преступлениях германского фашизма против человечности.

«Посмотрите, — сказал недавно глава Советского правительства Н. С. Хрущев на митинге в Тиране, — кто находится теперь на ключевых позициях в ФРГ, кто выдвигается на руководящие посты, — это в значительной части те же самые люди, которые активно поддерживали Гитлера, считали его своим богом».

Небезызвестный Вильгельм Греве — посол ФРГ в США, представляющий сейчас Западную Германию на Женевском совещании, начал свою карьеру с доцента фашистской высшей политической школы. В 1940 году, когда гитлеровские орды вторглись во Францию, он на страницах нацистского журнала «Цейтшрифт Фюр политик» требовал «сражения всех парижских церквей, дворцов, театров, госпиталей, академий, консерваторий». Греве самолюбиво восхвалял гитлеровскую агрессию против Советского Союза, назвав ее «всемирно-исторической миссией». Он писал, имея в виду разбойничье нападение гитлеровской Германии на СССР: «Как показывает исторический опыт, великие всемирно-исторические миссии, которые не остаются в стадии утопии и ни к чему не обязывающего планирования, начинаются таким образом».

В том же «Цейтшрифт Фюр политик» Греве «научно» доказывал, что массовое уничтожение политических противников гитлеризма и истребление целых народов не является наказуемым действием. «Развивая» эту людоедскую концепцию после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, он рекомендовал отказаться от применения каких-либо правовых норм в обращении с советскими военнопленными.

Сегодня Греве — фанатичный противник признания Германской Демократической Республики, ярый поборник включения всей Германии в НАТО и отнюдь вооружения бундесвера. Его речь в Женеве была квалифицирована печатью как «шедевр холодной войны».

Прочно засели в окопах «холодной войны» и другие вершители внешнеполитического курса Западной Германии. Западный отдел боннского МИД возглавляет бывший оберштурмфюрер СА и представитель Риббентропа при верховном командовании гитлеровской армии Хассо фон Этцдорф.

Биография Этцдорфа безукоризненна с точки зрения самых отъявленных приверженцев нацизма. Он дулово «сореал» в восприятии всего арсенала фашистских идей задолго до прихода Гитлера к власти. Еще в 1919 году он участвовал в подавлении Ноябрьской революции в Германии. С 1938 года по 1944 год Хассо фон Этцдорф был представителем МИД в ставке верховного командования Вермахта и непосредственно участвовал в подготовке и осуществлении нападения гитлеровских войск на Польшу, Бельгию, Голландию, Францию и Советский Союз. Этцдорф был не только «глазными» Риббентропа, но и «ушами» гит-

леровской разведки. Сами фашистские генералы сочинили эпиграмму об этом гестаповском шпионе:

Замолчи, а то кажут —
Этцдорф тут как тут!

Руками таких «дипломатов», как Этцдорф, министерство Риббентропа осуществляло одну из своих важнейших функций — массовый угон гражданского населения с оккупированных территорий на κατοжные работы в Германию и в фашистские лагеря смерти. Немаловажный штрих, дополняющий политический портрет нынешнего шефа западного отдела боннского МИД, — его руководящее участие в разграблении произведений искусства во Франции.

Этцдорф имел непосредственное отношение к так называемому батальону особого назначения войск СС, созданному по инициативе министерства иностранных дел и действовавшему под его прямым руководством. Задача этого батальона, как показал взятый в плен в районе Моздока в ноябре 1942 года эсэсовец оберштурмфюрер Ферстер, заключалась в том, чтобы «немедленно после падения крупных городов захватывать культурные и исторические ценности... а затем отправлять все это в Германию...» Немецко-фашистские захватчики так и поступали. Эсэсовские молоточки из батальона гитлеровского МИД только в Киевском районе «более 4 000 000 книг, журналов и рукописей (среды которых многие были очень ценными и даже уникальными)». В Парском Селе они захватили и вывезли «имущество Большого дворца-музея императрицы Екатерины. Со стен были сняты китайские шелковые обои и золотые резные украшения. Наборный пол сложного рисунка увезли в разобранном виде...» Из Харьковской картинной галереи вывезено несколько сот картин, в том числе 14 картин Айвазовского, произведений Репина, многие работы Ползнова, Шишкина... Также вывезены все скульптуры...»

Насколько далеко зашел процесс фашизации боннского МИД, можно судить хотя бы по тому, что в политическом отделе министерства подвизается Хеннинг Томсон — эсэсовец, бывший личный телохранитель Геббельса.

Генеральная линия министерства иностранных дел Федеративной Республики Германии свидетельствует: дипломаты, образующие его стовую хребет, не оставили за порогом МИД «дипломатический багаж» своего нацистского прошлого. Внешнюю политику Западной Германии определяют деятели, сохранявшие преэмиграционную «третьей империи». Это достаточно убедительно подтверждают события последних лет и, в частности, позиция, занятая делегацией ФРГ на Женевском совещании министров иностранных дел. Она настойчиво пытается применить в Женеве метод навязывания своих условий, метод клеветы и инсинуаций против Германской Демократической Республики для того, чтобы отвлечь внимание мировой общественности от истинного положения в Западной Германии, где возрождаются милитаризм и реваншизм, чтобы помешать деловому обсуждению германской проблемы.

Однако народы всех миролюбивых стран, в том числе немецкий народ, достаточно сильны, чтобы не допустить безответственной игры с судьбами мира!

**В. МЕНЬШИКОВ,
В. ШУМСКИЙ**

Англичанский кинорежиссер Карол Рид снимает на Кубе фильм по роману Грэма Грина «Наш человек в Гаване».

На снимке: исполнитель главной роли Ноэль Моруд беседует с Эрнстом Хемингуэем, постоянно проживающим в Гаване. Снимок из французского журнала «Жур де Франс».

ОДИН из персонажей новой книги Грэма Грина доктор Гас-сельбахер говорит: «В наши дни надо быть осторожным даже в забаву». Эти слова служат как бы ключом к роману «Наш человек в Гаване», которому автор дал подзаголовок: «Забавная история». И в самом деле, смешной анекдот о том, как британская разведка вербует скромного торговца пылесосом на роль резидента в Гаване и как он морочит голову лондонскому начальству, незаметно превращается в остро злободневный политический роман, затрагивающий главные проблемы современности.

Издательство иностранной литературы, только что выпустившее книгу произведений Грина, включило в нее наряду с названным романом уже получивший широкое признание советского читателя роман «Тихий американец».

Это оправдано не только тем, что оба произведения вышли в свет непосредственно одно за другим. Между ними есть еще и внутреннее родство. Можно сказать, что мелкий гангстерский бизнесмен англичанин Уормолд — духовный брат героями новой книги Грина встают те же вопросы, что мучают в наше время многих людей на Западе: по какому пути идти, какое место занять в борьбе между силами добра и зла, реакции и прогресса, мира и войны? И снова, как это было в «Тихом американце», писатель, пусть с опозданием и с отступлениями, показывает несостоятельность позиции «моральной нейтральности», которую пытаются занять уставшие или изверженные

люди. Когда милый, добрый Уормолд, сделавший «шпионом поневоле», убеждается, что его забавы с британской разведкой стоят жизни ни в чем повинным людям, он без колебаний порывает с нею, хотя это разрыв угрожает ему серьезными последствиями. И при этом Уормолд идет дальше Фаулера. Он, который никогда раньше не держал в руках оружия, более смертоносного, чем пылесосы, собственноручно казнит Картера, настоящего шпиона и наемного убийцу.

Возвращаясь в своем новом романе к вопросу о месте человека в жизни, Грэм Грин на этот раз решает его смелее, чем в «Тихом американце». Там Фаулер, включившись однажды в активную борьбу со злом, истощает в ней свои силы и вскоре возвращается к прежнему полусонному состоянию. Уормолд же, оставив в Гаване лишь развалины того, чем жил раньше, никогда не замуровывает себя в прежнюю обительскую скорлупу. Напротив, в минуту слабости он обещал «так выдвигать свою совесть», чтобы «корнчить ее из рук». Ничего не вышло из этой драмы. Дыхание борьбы опалило Уормолда, он своими глазами увидел, какие низкие дела творятся людьми, приравляющимися словами о «родине», «цивилизации», «демократии», «глобальной стратегии».

Образы Уормолда, его помощники и единомышленники Беатрисы Севери, его семидесятилетней дочери, влюбленной красавицы Милли, написаны Грином с большим мастерством и, я бы сказал, с любовью. Видно, что в уста

Стихи израильских поэтов

Поззия Израэля богата и разнообразна по своей тематике и жанрам. Она развивалась под влиянием поэтических течений Европы, главным образом русской и английской литературы. В то же время израильская поэзия сумела сохранить специфику родной речи, образности и живой, естественный язык иррит словесным арсеналом современности. Произведения израильских поэтов отражают современную действительность Израэля, действительность ометенной классово боррбы.

Публикуемые нами стихотворения познакомят читателя с творчеством трех прогрессивных поэтов.

Александр Пен — поэт-коммунист, основоположник революционной поэзии в Израэли. Его творчество, тесно связанное с чаяниями и борьбой пролетариата и прогрессивных народных масс Израэля за хлеб, мир и за дружбу народов, пользуется широкой известностью у читателя. Пену принадлежат переводы многих произведений Маяковского.

Авраам Шленский — такое предстатель старшего поколения израильских поэтов. Он пополнил израильскую литературу замечательными переводами произведений Пушкина, Шолохова, Пришвина и многих других русских поэтов и прозаиков.

Натан Пошут — начинающий молодой поэт, идеально связанный с борьбой Коммунистической партии Израэля.

БЛАГОДАРЕНИЕ

Да святится имя его!
Да святится имя неба.
Влажная милость неба.
Пойте хвалу плодотворности вод,
Пойте спасибо хлебу.

В згибы смотрите — просты и ясны,
Прах их заселен и жарок.
Славь же, земля, колосистые сны —
Ветра и ливней подарок.

Твоя радость в росе,
И тунны тяжело
Твоих грудей и чрева массивны.
Хлебу насущному бейте челом.
Хлебу — спасибо!

ЗЕМЛЕПАШЕЦ

За плугом — верблюду, и железу и ног
Терзает земли персеющие пшты.
Никогда еще мир не был так одинок,
И вечность в единственном миге отагта.

То прирак убийства. Железа тиски.
То Кани сечет перобитную ибля.
Никогда еще так не бывала близки
Человек,
Верблюд
И небо.

Александр ПЕН

ДЕРЕВЬЯ

Дерева не умеют глать —
Большое сердце у деревьев.
Их мир, как солнце, прост и древен,
Их совесть не в чем упрекать.
Дерева не умеют глать.

Большое сердце у деревьев.
Не зная старости, оно
Во все живое влюблено.
Во все, посеянное в чреве.
Большое сердце у деревьев.

Их мир, как солнце, прост и древен.
Под их листьями, из века в век,
Перерождался человек.
Тянулись к звездам, в землю веря.
Их мир, как солнце, прост и древен.

Их совесть не в чем упрекать.
Свидетель мудрый всех событий,
Таково правдой жить и быть ей,
Какой нам в людях не сыскать.
Их совесть не в чем упрекать —
Дерева не умеют глать.

ИЕРУСАЛИМСКИЙ ВЕЧЕР

Было тихо. Только горы,
Одеян старинный страх,
Стеганы кремневый город,
Захлебнувшийся в ветрах.

В неосиянный темень,
Отплыла, пыла одна
Окровавленная тема
Умирающего дня.

Стлы церкви, минареты,
Вспыл шелк бород и пейс.
Шла, одетая в заперты,
Фанатическая спесь.

И на зубчатые башни,
На могилы всех богов
Домино прискальной пашни
Набегаю из лугов.

А навстречу, пуст и ломок,
Под ажуром пелены
Старинный обломок
Новорожденной луны.

Древний город — он расколот!
В палатах тропик и путей
Был зажат лиловый холд
Злоумышленных затей.

Ливень клесткий, ливень колкий
Взбуждалаи грани зон:
Иглы пух, смертей осколки
В ключья растерзали сон.

Растерзавший, бедный глобус
Ищет мнимого врага.
Разрыла дикий оупс
Джона хищная рука.

Счет могилами оплачен.
Стало тихо. Спит Салим,
Спит Мойсей и, в небо плача,
Стонет Иерусалим...
Авраам ШЛЕНСКИЙ

ЗА ЧТО УБИЛИ КЕЛСО КОЧРЕЙНА RACE-HATE MURDER

В ЛОНДОНСКОЙ больнице умер от ножевой раны Келсо Кочрейна, уроженец Вест-Индии. Еще совсем недавно это имя почти никому не было известно, а в начале июня на Уайтхолле, где расположены правительственные учреждения, в течение многих часов продолжалась демонстрация, вызванная смертью Кочрейна.

Недалеко прожил на свете Келсо Кочрейна. Он родился в 1926 году на Ямайке, британской колонии. Стремясь избавиться от вечной нужды, с мечтой о лучшей доле, Келсо покинул свою страдальную родину и добрался до Лондона. Но луская доля так и осталась мечтой — далекой, недосигаемой. Келсо очень хорошо узнал значение таких английских слов, как безработица, дороговизна, «низшая раса». Все же он устроился на работу плотником и снял дешевую комнату в бедном квартале города. Келсо никому не причинял беспокойства, он был скромным, застенчивым и глубоко религиозным. Может быть, именно за это и полюбила его землячка Оливия, медицинская сестра. И вот за три недели до свадьбы Келсо был найден истекающим кровью в темном переулке. Кто и за что его убил?

Убили его шестеро молодых бандитов. А за что? Да ни за что. За то, что он «черномазый».

Впрочем, оговоримся. Шестеро — это только непосредственные исполнители. Тех, кто его убил, в сегодняшней Англии гораздо больше, а главное — они становятся все наглее. Появился даже «английское отделение» зловещего Ку-клукс-клана. Это за подписью кукурузоклавацких пришло письмо к члену парламента лейбористу Гиббону. «Не допускайте черных и сохраняйте расу чистой... Помните, что у нас есть пуля и для вас... Вы не садитесь нигде, даже в собственном доме...»

В лондонском районе Ноттинг-Хилл, где живут в основном иммигранты из Вест-Индии, обосновалась так называемая «Лига защиты белых». «Лига» распространяла среди населения несколько тысяч листовок, ратующих за высылку всех «цветных» из Англии.

Позорная слава американских расистов не дает покоя некоторым фашиствующим молоточкам в Англии. Но прогрессивные силы страны полны решимости бороться за права человека. Они требуют ареста

главных героев книги писатель вложил много дорогих ему мыслей, и хотя далеко не все из них достаточно зрелы политически и последовательны, — это честные и искренние мысли, продиктованные гуманизмом, отвращением к империалистическому насилию, к плану нового человекоунижения.

Это, конечно, не значит, что мы во всем согласимся с героями Грина. Нам чудно их зачастую объективистский и несколько циничный подход к действительности, хотя такой цинизм — своего рода реакция на демоногичную буржуазную пропаганду, протест против оплошания его моральных ценностей.

В романе Грина близко соседствуют фанатизм и трагедия и страдания, исполненные подлинного лиризма и мягкого юмора, перемежаются с буффонадой и разящей сатирой. Скупыми штрихами рисует писатель жизнь Кубы под властью диктатора Ватисы, но даже то немногое, что раскрывает он, помогает лучше понять горькую кубинскую пословицу: «Бедная Куба, как ты далека от бога и как близка к Соединенным Штатам!»

Английские критики Грэма Грина, вынужденные отдать должное его испытанному таланту, стремятся в то же время ослабить впечатление, производимое его последним романом. Так, литературное приложение к «Таймс», например, утверждает, что «интермедии в Лондоне», в которых описываются события, происходящие в штаб-квартире разведки, слишком неправдоподобны и «ослабляют правдивость книги».

Можно понять стремление рецензентов из «Таймс» защитить себя мундиром английской разведки. Ведь гриновские «интермедии в Лондоне» — блестящие маленькие памфлеты, развенчающие пресловутую «Секрет интеллидженс сервис», вскрывающие самодовольство, ограниченность и тупость чиновников этой подсобной службы английского империализма. Разумеется, памфлет не может обойтись без преувеличения. Дело не в мелочном правдоподобии, не в том, имеет ли описанный Грином «шеф» разведки реального прототипа. Что же касается действительности «Секрет интеллидженс сервис», об-

Натан ПОШУТ

БЕЗРАБОТНЫЙ И БИБЛИЯ

На перекрестке улиц —
«Работа и Обиане»
И «Капитал Труд» —
Друг и Брат»

Не хлеб —
духовный блин мне дали —
библию,
«Держи!» — орут.
Держу — дырявый иммигрант.
Жую резину богову, давлюсь,
— уж не погил ли я? —
Псалмами не прокормится
желудочная рубрика...
Работодедаватели,
что ханжеством обляпаны,
В безхлебье замурованный,
плюю на вашу библию —
По гордо сит я святостью,
как дырками от бубликов!

СКРИПКА ОКРАИН

В центре города взбух неоновый свет,
как гнойный прыщ,
Я бегу туда, где над декой домиком,
над кровью чахоточных крыш
Белье бедняков на веревочных
струнах,
Взорвавшись гневом дизелов чугуניים,
Скрипя смачком нужды и тшеты,
Играет скрипка окраин
Марш безработицы и нищеты.
Перевел с иврита А. ПЕН

DAILY HERALD

«Jim Crow» shout near Notting Hill, then—

RACE-HATE MURDER



главаря английских фашистов Мосли, личного друга Гитлера. Демонстранты на Уайтхолле несли плакаты с такими надписями: «Существует только одна раса — человеческая раса», «Черные и белые могут мирно жить вместе». Члены английского парламента протестуют множество писем с протестами против расовой дискриминации.

Не так легко, оказывается, вести в Англии американские порядки!

А. М.

Мы воспроизводим заголовок из газеты «Дейли геральд», гласящий: «Убийство из расовой ненависти», и фото Келсо Кочрейна из той же газеты.

Берлин — Москва

ПИСЬМА, письма, письма — их очень много. Пишут немцы и советские люди, производственные и сельские коллективы, пишут рабочие, художники, студенты и школьники... Тысячи писем хранят пухлые папки Общества советско-германской дружбы и культурной связи. И каждый день почта приносит новые конверты с белыми, розовыми, голубыми листками... Листки эти — свидетельства дружбы и братского сотрудничества, крепящего день ото дня.

«Мы хотели бы обмениваться с вами опытом производственной работы», — пишут железнодорожники из Берлина. — Предлагаем вам вступить в соревнование, но прежде вам надо ознакомиться с конкретными условиями работы вокзала Берлин-Лихтенберг, а нам — одного из московских сельскохозяйственных артелей «Путь и коммунизм» Воронцовского района Киевской области. Таких писем — сотни. Огромный интерес немцев к работе в быту советских колхозов, к достижениям сельскохозяйственной техники в СССР.

Общество германско-советской дружбы просит прислать серию фотографий о жизни и деятель-

ности Алексея Толстого для диафильма о замечательном русском писателе. Районный Совет города Штральзунда хочет установить переписку и дружеский обмен опытом с одним из районных Советов нашей страны. Музыкальная секция Центрального управления Общества германско-советской дружбы интересуется опереттой Шостаковича «Москва, Черемушки», просит прислать биографию выдающегося советского композитора, фотоснимки отдельных сцен, текст либретто.

О трудовых успехах советской молодежи широко известно за пределами нашей страны. И вот в адрес Общества советско-германской дружбы и культурной связи пришло письмо из Лейпцига от молодежной бригады имени Ф. Мюллера фабрики ЛФВ. Немские юноши и девушки просят связать их «с одной из советских бригад, носящих название бригады коммунистического труда».

Организаторы выставок, посвященных советским искусственным спутникам Земли, просили прислать копии фильмов, рассказывающих об этой замечательной победе творческой мысли советских людей.

В свою очередь к немцам друзьям обращаются и советские ученые, рабочие, студенты, школьники. Дирекция Дома-музея академика И. П. Павлова просит выслать труды русского ученого, из-

Маленький человек делает выбор

Издательство иностранной литературы, только что выпустившее книгу произведений Грина, включило в нее наряду с названным романом уже получивший широкое признание советского читателя роман «Тихий американец».

Это оправдано не только тем, что оба произведения вышли в свет непосредственно одно за другим. Между ними есть еще и внутреннее родство. Можно сказать, что мелкий гангстерский бизнесмен англичанин Уормолд — духовный брат героями новой книги Грина встают те же вопросы, что мучают в наше время многих людей на Западе: по какому пути идти, какое место занять в борьбе между силами добра и зла, реакции и прогресса, мира и войны? И снова, как это было в «Тихом американце», писатель, пусть с опозданием и с отступлениями, показывает несостоятельность позиции «моральной нейтральности», которую пытаются занять уставшие или изверженные